

Т.ХАБАРОВА

Москва, 27 сентября 2022г.

Дополнение к Завещанию от 25 сентября 2022г.

Возможно, такое Дополнение окажется нелишним,— если организация постановит, что она всё-таки попытается осуществить замысел В.И.Кильпы о создании Музея-квартиры завещателя.

В этом случае,— со всей очевидностью,— В.И.Кильпу как автора идеи придётся назначить ответственным за реализацию проекта и поручить ему решать, что из интерьера квартиры, мебели, предметов домашнего обихода и т.д. подлежит сохранению и включению в состав проекта как необходимое для воплощения проекта в действительность.

Считаю, например, что следовало бы сохранить рабочий уголок квартиры с обоими книжными шкапами, двумя рабочими креслами, пальмой у окна и письменным столом с полагающимся к нему креслом (естественно, и со всем содержимым его ящичков).

И здесь мы сталкиваемся с двумя пишущими машинками: мой любимый "Консул", на котором отпечатано большинство моих машинописных рукописей, и "Эрика". Из них "Консул", безусловно мемориален, "Эрика" мною не использовалась и мемориального значения не имеет, хотя она полностью в рабочем состоянии; может быть реализована.

Идём направо по часовой стрелке и обнаруживаем на стене ковёр с произведениями живописи на нём, из них натюрморт с рассыпавшейся из лукошка клубникой сугубо мемориален, поскольку мы с мамой заказывали его художнику специально, как репродукцию его работы, которую не успели перехватить в художественном салоне на Петровке,— она была продана, едва лишь там появилась.

Мемориальна и чудесная картинка летнего вечера в кафе; художником она не закончена, но настроение передаёт превосходно, а что ещё от неё нужно?

Служивший многие годы посадочным местом для посетителей диван изношен до крайности, ввиду постоянного употребления, и в

настоящее время он без реставрации использоваться практически не может.

Следующий объект при нашем движении вправо, это ящик или картонная коробка с грампластинками – которые, если в них хорошо разобраться, могли бы в будущем предоставить адекватное музыкальное сопровождение нашему Музею, коль скоро ему суждено возникнуть: ведь среди них есть великолепные, редкостные записи.

В правом дальнем углу квартиры мы видим на журнальном столике радиолу "Рига-102": память о высокотехнологичном прошлом Советской Латвии (собственно радиоприёмник, проигрыватель и колонка к нему).

В её первоначальном состоянии звук у радиолы был исключительный по красоте и чистоте. Возможно, если ею займётся добросовестный и квалифицированный специалист, что-то из её прежних достоинств удастся ей вернуть. Во всяком случае, к нашей фонотеке она бы очень подошла.

Сохраните, – если получится, – кактус, который сейчас стоит возле ящика с грампластинками; он выращен мною из отросточка такой колючки и, видимо, поэтому обладает в моих глазах неизменной притягательностью; т.е., он мемориален.

Все декоративные предметы, находящиеся в правом дальнем уголку квартиры, мемориальны, в том числе резная настенная полочка со всем, что на ней (напр., статуэтка лося из кости). Исключение здесь составляют статуэтка всадницы, преодолевающей препятствие (из-за неправильной посадки всадницы) и статуэтка собаки – сеттера, которая сама по себе совсем неплохая и вполне художественная, но собаки не принадлежали к числу моих увлечений.

Сам по себе платяной шкаф вряд ли способен претендовать на музейный статус, но он может быть реализован просто как добротный предмет мебели.

Из находящейся в нём одежды имеет смысл сохранить несколько моих платьев, пошитых в советское время. С их помощью можно восстановить мой внешний облик, подобрав модель с моими тогдашними параметрами (которые долгое время не менялись) – рост 168 см, вес 50 кг, размер обуви 35/36.

И кроме того, эти образцы наглядно опровергают болтовню, якобы советские люди были одеты чуть ли не хуже всех на планете.

Во всяком случае, у меня в фойе советских театральных и концертных залов никогда не возникало ощущения, что прогуливавшиеся там иностранцы одеты несравненно лучше меня, – скорее даже наоборот.

Сверху на шкафу располагаются коробки с архивными материалами, но здесь нам предстаёт уже другой вопрос: не об интерьере моей квартиры, а о состоянии и способах сохранения нашего Архива. Вопрос требует специального рассмотрения, и в данный момент я углубляться в него воздержусь.

Стеллаж из шести книжных полок и всем их содержимым не нуждается в доказательствах его мемориальности, однако здесь опять коробки с архивной документацией. В молодости и в дееспособном возрасте высота стеллажа не составляла для меня никаких проблем: подставить стул и проникнуть, куда тебе надо, не исключая и архивных коробок.

Со временем это всё же превратилось-таки в проблему, но решать её, очевидно, уже не мне.

Итак, мы перешли во вторую половину квартиры, которая находится с тыльной стороны двух книжных шкафов рабочего уголка; движемся справа налево против часовой стрелки.

Столу обыкновенному, обеденному, – который мы здесь видим, следовало бы, наверно, отказаться в какой-либо мемориальности, если бы... Если бы он не был до предела загружен, опять же материалами Архива, причём ими занято также и пространство под столом.

Вообще, проблема размещения и хранения Архива – одна из самых тяжёлых головоломок, которая стоит и передо мной, и незамедлительно встанет перед наследниками, но как её решать – пока достаточно удовлетворительного ответа нет.

Следующей по порядку идёт прикроватная тумбочка, ценность которой заключается в том, что в ней хранятся некоторые деловые документы, письма, фотографии, наличные деньги (не обольщайтесь, небольшие), а в шкатулке, которая стоит на ней, – наградные знаки, в том числе полученные мною в постсоветские времена.

Среди них Звезда Героя Социалистического Труда, которая на самом деле вряд ли золотая, но вид золота имеет. Считаю присуждение мне этого звания Военно-Народным Советом СССР заслуженным и оправданным, так же, как и присуждение статуса "Пятого классика

марксизма", и благодарю соратников из ВНС СССР и Сочинского узла Советов за доставленные ими мне счастливые дни моей жизни.

Софа в левом дальнем углу квартиры, вместе с ковриком над ней, — это спальное место и если в нашем воображаемом Музее кто-то после меня будет спать и отдыхать, то она, наверное, пригодится, а если нет, то решать придётся по ситуации.

Из-под софы и кресла рядом с ней должны быть извлечены и приведены в цивилизованное состояние находящиеся там бумаги; а это ведь не что иное, как ценнейшая архивная документация — материалы наших исполкомовских Расширенных пленумов 2010 — 2017 годов, — которыми были со всей историко-научной добросовестностью просуммированы итоги четвертьвековой (на тот момент) деятельности Движения граждан СССР.

Соглашусь, что мне могут съязвить: а где же вы раньше-то были, почему оказалось допущено "хранение" (если это позволительно называть хранением) важных документов столь несоответствующим образом?

Извините, но вот вы-то где были раньше, — вы, у кого повернётся язык бросить мне и Исполкому в целом подобный упрёк? Сколько раз мы взывали ко всем вам реально, осязаемо подключиться к работе — и далеко не в последнюю очередь именно к её технической стороне.

И разве в ответ нам на наши воззвания сразу же вскидывался лес рук от желающих поучаствовать в деле освобождения страны через какую-либо полезную работу?

Соратники, чего-чего, а вот такого не припоминается...